

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Неплюева Петра Андреевича
«Деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры как феномен публичной истории в позднесоветский период (1960–1980-е гг.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности

5.6.1. Отечественная история

Диссертация П. А. Неплюева посвящена важной научной проблеме – институциональным особенностям функционирования публичной истории в СССР 1960-х – 1980-х гг. Объектом исследования выступают советские массовые добровольные общества в 1960-1980-е гг., а предметом – институциональная структура Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в контексте публично-исторических практик. Под публично-историческими практиками П. А. Неплюев понимает «комплексное явление, включающее трансляцию академического исторического знания широкой аудитории; участие публики в создании и использовании исторического знания, сюжетов, образов в политической и общественной сферах» (с. 5).

Тема работы обладает актуальностью и новизной. Актуальность ее обусловлена обращением автора к проблеме функционирования советского общества, раскрываемой с преодолением историографических штампов о зарегулированности, с разработкой важной научной проблемы советской субъектности. Хотя историю ВООПИК нельзя назвать слабо изученной (это показывает, в частности, и обширный историографический раздел диссертации), большое количество лакун в этой истории и доминирующий акцент на нормативной стороне работы общества обуславливают новизну исследования. Ведь в своей работе П. А. Неплюев стремится рассмотреть феномен ВООПИК (и – шире – феномен советских добровольных

организаций) с разных сторон, перенося внимание с нормативной стороны вопроса (изучение нормативных актов) на социально-организационную (реальное функционирование ВООПИК как организации). Автор подготовил весьма содержательный историографический обзор. Работа хорошо фундирована, П. А. Неплюев привлек большой массив источников – делопроизводственные документы, хранящиеся в архивах Москвы, Перми, Челябинска, Екатеринбурга, Кудымкара; обращения и письма во властные органы; законодательные и нормативные акты; источники устного происхождения (десять интервью с активистами ВООПИК из Перми и Челябинска), материалы СМИ, публикации ВООПИК, документы личного происхождения. Удачным является предложенная автором концепция «сателлитов ВООПИК», под которыми автор подразумевает «организации и движения, созданные внутри Общества для продвижения его целей или же появившиеся под эгидой других советских органов власти, но зависимых от Общества охраны памятников» (с. 38). В методологическом отношении диссертация опирается на два основных подхода – концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса и институциональный подход Д. Норта.

Работа состоит из двух глав. Первая глава «Деятельность советских добровольных организаций в сфере охраны историко-культурного наследия на примере ВООПИК» посвящена анализу феномена советской добровольной организации. П. А. Неплюев начинает с рассмотрения вопроса о том, как в СССР формировались подходы к «полезному прошлому», опираясь в данном отношении прежде всего на идеи Д. Бранденбергера о складывании в 1930-х гг. «советского пантеона», включавшего по преимуществу героев дореволюционной истории России. В этом-то контексте и начинает свою деятельность ВООПИК, ставшее ключевой манифестацией поиска «полезного прошлого». П. А. Неплюев трактует ВООПИК двояко: с одной стороны, организация была целиком встроена в советский поиск «полезного прошлого», но с другой – обладала автономией,

так как государство старалось переложить организационное и финансовое бремя на общественную организацию (глава 1, параграф 1).

Эта двойственность была характерна для советских массовых добровольных организаций, и автор далее рассматривает ВООПИК в контексте феномена советских массовых добровольных организаций (глава 1, параграф 2). Он подчеркивает роль трансформации информационного пространства СССР, появление новых форм медиа и каналов коммуникации, в развитии добровольных обществ; эти общества в полной мере являлись акторами публичной сферы. И несмотря на довольно пассивное отношение властей, активисты ВООПИК оказывались способны проявить субъектность. П. А. Неплюев вполне обоснованно подчеркивает: «Активистов могли интересовать не только советские памятники истории и культуры, но и досоветские. В случае с церквями и другими религиозными памятниками, судя по всему, это происходило не из религиозных побуждений, но из желания сохранить культурную составляющую, региональное наследие, труды местных мастеров и архитекторов» (с 63). А ведь ВООПИК в лице своих военно-исторических секций еще и абсорбировал ветеранов Гражданской и Великой Отечественной войн, стремившихся делиться своим опытом. В диссертации достаточно подробно рассмотрена институциональная структура ВООПИК, включая механику членства и взносов.

Дав такие характеристики, автор диссертации переходит к характеристикам «векторов и форм работы по сохранению историко-культурного наследия в публичном пространстве» (глава 1, параграф 3). Среди таких форм – создание собственных фабрика и мастерских «под крылом» ВООПИК, организация конкурса кинофильмов и фотографии, всероссийский фотоконкурс «Отечество», участие во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы (например, по пути красноармейского отряда В. К. Блюхера вдоль западного склона Уральских гор или по пути 1-го рабоче-крестьянского полка «Красные орлы»), создание

музеев под открытым небом. Большую роль в развитии этих разнообразных форм работы играли организации, которые П. А. Неплюев называет «сателлитами» ВООПИК. Повседневная работа ВООПИК способствовала укреплению локальных идентичностей, раскрытию истории Отечества через историю «малой родины», формированию коллективной памяти.

Анализ институционально-функциональной структуры ВООПИК П. А. Неплюев завершает разбором взаимоотношений активистов и бюрократов (глава 1, параграф 4), справедливо аттестуя ВООПИК как «гибридную среду – место пересечения интересов власти и общества» (с. 105). Здесь П. А. Неплюев подчеркивает: «Задачи подобных организаций действительно во многом определялись государством и партийными органами, которое надеялось через них увеличить продуктивность, следить за сектором обслуживания или заменять некоторые его самые неразвитые элементы. Однако часто в результате создания массовых добровольных организаций или наделения их некоторыми полномочиями само государство давало активистам простор для действия, наделяло их социальной субъектностью» (с. 106). А следовательно, и отношения ВООПИК с властями были далеки от жесткой вертикальной иерархией. И хотя, как убедительно показывает автор, в организационном отношении у ВООПИК не хватало ни полномочий, ни ресурсов для эффективной работы по реставрации памятников, все же общество «обладало степенью свободы и даже контроля в вопросах учета и экспертной оценки памятников истории и культуры» (с. 107). Этот вывод о субъектности организаций ВООПИК красной нитью проходит через всю первую главу диссертации и, как представляется, в достаточной мере аргументирован автором.

Во второй главе «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры в условиях трансформации публичного пространства 1980-1990-х гг.: изменение правил «игры» и адаптация к новым реалиям» изучаются перипетии кризисного периода истории ВООПИК, начавшегося с 1982 г., когда общество, оказавшись в эпицентре финансовых проверок, утратило ряд

источников средств и подверглось острой критике (глава 2 параграф 1). П. А. Неплюев полемизирует с мнением о том, что добровольные советские общества сталкиваются с кризисом в эпоху перестройки. Он указывает на то, что с кризисом ВООПИК столкнулось в 1982 г., когда общество приобрело массовый характер – около 15 миллионов членов, из взносов которых, являвшихся основным источником финансовых ресурсов общества, формировалось до трети общих затрат на охрану памятников в СССР (с. 120); при этом доминировали коллективные взносы (фактически – финансирование ВООПИК предприятиями советской экономики). И здесь массовость и добровольный характер общества оказались причиной организационного кризиса – П. А. Неплюев убедительно показывает, как нехватка штатных, профессиональных работников обусловила низкую эффективность и неряшливость в управлении финансовыми средствами (низкая «кассовая дисциплина»).

В 1982 г. ВООПИК оказалось «под пристальной проверкой Комитета Народного контроля СССР» (с. 124), по итогам которой последовали сокращения, запреты и разбирательства (не говоря уже об уголовных делах). П. А. Неплюев отмечает, что государство, стремясь укрепить финансовую дисциплину и уменьшить объем накопленных на счетах добровольных средств, отменило коллективные взносы, нанеся удар по финансовой стабильности общества. С 1983 г. ВООПИК пришлось сокращать расходы; во многих регионах страны отделения общества оказались в принципе неспособны работать без поддержки от предприятий. К тому же и промышленные предприятия ВООПИК были изъяты в пользу государства, и на их доходы теперь тоже нельзя было рассчитывать. А за организационными мерами последовала еще и волна критики в прессе, и урезание полномочий ВООПИК как инстанции согласования при строительстве.

Итак, по аргументированному мнению П. А. Неплюева, «задолго до перестройки ВООПИК попадает в своеобразную экономическую ловушку, выбраться из которой без серьезных потерь было невозможно» (с. 141). На

протяжении 1980-х гг. ВООПИК пришлось бороться с последствиями кризиса 1982 г., и эти события в диссертации проанализированы в деталях (глава 2, параграф 2). П. А. Неплюев показывает, что трансформации публичной сферы в эпоху гласности не позволили ВООПИК вернуть былой авторитет, а возвращение коллективных взносов в новых условиях не возымело эффекта. Несмотря ни на что, общество смогло избежать распада: «Причина выживания ВООПИК видится в мотивации его членов. Они были заинтересованы в сохранении историко-культурного, часто нематериального наследия, а не в участии в перераспределении благ в условиях позднесоветского дефицита» (с. 165).

Итак, в работе проводятся два фундаментальных тезиса, приводятся аргументы в пользу двух ключевых выводов – условно их можно назвать «хабермасовским» и «нортовским». В первом случае речь идет о том, как в специфическом поле советской публичности массовые добровольные организации культивировали свою субъектность, превращаясь в акторов публичной сферы. Во втором случае рассматривается уже не степень субъектности и каналов ее проявления в публичной сфере, а институционально-организационная специфика общества, оказавшегося в парадоксальном положении – при всей своей аффилированности с государственными структурами ВООПИК представляло собой общественную организацию. Автор приходит к выводу: «Анализ истории ВООПИК в контексте его институционального устройства и практик, позволяет утверждать, что деятельность активистов Общества во многом схожа с практиками публичной истории. Несмотря на значительный государственный компонент, активисты Общества являлись не только потребителями исторических сюжетов, но и создавали их, оформляя внутри СССР свою собственную “публичную историю по-советски”, смежную с мировыми практиками и ограниченную теми же рамками, что и советская «несовершенная публичная сфера» (с. 172).

Несмотря на общую высокую оценку диссертации, все же следует высказать ряд замечаний:

1. Автор характеризует «векторы и формы работы по сохранению историко-культурного наследия в публичном пространстве». И все же эта проблема имеет ряд граней, которые, возможно, следовало осветить более подробно. Ведь в работе по сохранению культурного наследия участвовали также и научные организации, и отдельные публичные интеллектуалы. Достаточно вспомнить хорошо известный на Среднем Урале пример Б. Н. Рябина – видного публициста, с 1950-х гг. активно занимавшейся всеми видами активизма, в том числе охраной природы и защитой историко-культурного наследия; или Н. С. Алферова – руководителя Свердловского архитектурного института, инициировавшего амбициозную программу «Каменный пояс» по изучению и сохранению горнозаводского наследия; или В. А. Бардулина, московского исследователя народного искусства из НИИ художественной промышленности, принявшего деятельное участие в организации музея под открытым небом в Нижней Синячихе... Это лишь примеры из Свердловской области; можно предполагать, что и в других частях СССР были свои деятели того же типа – взять того же Б. Н. Назаровского. Как соотносилась деятельность таких людей, деятельно утверждавших свою субъектность в публичной сфере, с деятельностью ВООПИК как института?
2. Представляется, что недостаточное внимание автор уделил персоналиям, определявшим развитие ВООПИК – в работе часто упоминаются эти люди собирательно, как «активисты», присутствуют материалы интервью, однако работе бы пошло на пользу большее внимание к персональному аспекту. Это касается прежде всего руководителей региональных отделений ВООПИК, но не менее интересен и вопрос о фигурах «сочувствующих»

бюрократов или хозяйственников. Кто же были эти люди, облеченный той или иной властью и готовые направлять ВООПИК коллективные взносы? Этот вопрос заслуживает хотя бы краткого прояснения.

3. Как уже сказано выше, в своей работе П. А. Неплюев стремится рассмотреть феномен ВООПИК (и – шире – феномен советских добровольных организаций) с разных сторон, последовательно проводя основные тезисы работы о субъектности советских массовых добровольческих обществ и об институциональных трудностях, вытекавших из их подчеркнутого добровольно-активистского характера и обусловивших кризис ВООПИК и других подобных обществ в 1980-х гг. Эти тезисы можно считать доказанными, однако ВООПИК – феномен одновременно и идейный, и организационный. И сам П. А. Неплюев начинает работу с изучения идейных основ, сделавших появление ВООПИК возможным, обращаясь к понятию «публичной сферы» и к концепции Ю. Хабермаса. Однако в последующих параграфах история дебатов не является для автора приоритетом, и он склонен отходить от нее в сторону анализа организационной специфики работы ВООПИК, институционального анализа в духе Д. Норта. Разумеется, содержательный аспект публичной деятельности ВООПИК не выпадает из поля зрения П. А. Неплюева полностью, и все же думается, что диссертация выиграла бы, если бы наряду с описанием основных организационных форм деятельности и институциональных особенностей ВООПИК в ней присутствовала бы внимание на важнейших узлах дискуссий и дебатов об историко-культурном наследии. Это, в конце концов, помогло бы препарировать и сам феномен ВООПИК – организации в интеллектуальном отношении гибридной, объединявшей разные идейные «платформы». Ведь красной нитью через диссертацию

проходит соображение о том, что ВООПИК было *организационно* слабым. Было ли оно *дискурсивно* сильным?

4. Говоря о политике сохранения памятников в ранние десятилетия советского государства, автор несколько оказывается «в плену» у сложившейся конвенции – наступления советской власти на памятники, сменившегося позднее поворотом к выработке «исторического пантеона» в 1930-х гг. Однако картину эту необходимо было бы дополнить хотя бы кратким замечанием о том, в каком состоянии охрана памятников находилась *до* революции 1917 г. Насколько новаторской в долгосрочной перспективе отечественной истории выглядел «проект», реализовывавшийся ВООПИК?
5. Раздел, посвященный музеям под открытым небом, выглядит слишком уж кратким, так как посвящен только одному кейсу – кейсу Хохловки. Но ведь автор и сам упоминает ряд примеров из других регионов, заключая: «В 1960–1970-е годы Центральный Совет был нацелен открыть свой собственный музей под открытым небом в каждом регионе РСФСР» (с. 101). Это многообещающее соображение, однако сразу после него автор переходит к описанию Хохловки, а других музеев более не касается. Да и описание кейса Хохловки кажется избыточно лаконичным. Диссертация бы выиграла, если бы этот раздел исследования был более пространным.

Высказанные замечания не снижают общей высокой оценки диссертации.

Диссертационное исследование П.А. Неплюева является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой глубокое исследование актуальной научной проблемы. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на

соискание ученой степени кандидата исторических наук. Диссертация Неплюева Петра Андреевича «Деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры как феномен публичной истории и позднесоветский период (1960–1980-е гг.)» отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», выведенного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в актуальной редакции), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,

ведущий научный сотрудник

лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований

ФГБУН Институт истории и археологии

Уральского отделения Российской академии наук

Бугров Константин Дмитриевич

6 апреля 2026 г.

Контактные данные:

тел.: +7(9221796002), e-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.
620066, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Тел: +7 (343) 374-53-40

E-mail: iih-history@mail.ru

Сайт: <http://www.ihist.uran.ru>